

XIV

1905: ВРЕМЯ ИСПЫТАНИЙ

Плеханову было около пятидесяти лет, когда разразилась революция 1905 года. Половину своей жизни он провел в эмиграции, меняя место проживания в зависимости от пресвятостей политики. Изгнанный сначала из Швейцарии, а затем из Франции, он поселился в Англии, без семьи, но, благодаря вмешательству швейцарских социалистов, Плеханову разрешили вернуться в 1895 году в Женеву. Хотя во Францию ему по-прежнему въезд был запрещен и находиться там он мог только по специальному разрешению, в Швейцарии официальные власти его уже не беспокоили. К середине девяностых годов семья избавилась от гнетущей бедности. Розалия Марковна завершила медицинское образование и постепенно набирала практику, обеспечивавшую семье некоторый комфорт и стабильность.

Никто лучше Плеханова не знал, чем он обязан преданной сму жене. С момента знакомства он был для нее блестательным героям, борцом за благо человечества; и она, убежденная социалистка, с радостью посыпала ему всю жизнь. Она растила детей и вела домашнее хозяйство, и в то же время продолжала учиться, чтобы когда-нибудь помочь ему освободиться от финансовых забот. Участвовала вместе с ним в политической борьбе, радовалась его победам и утешала его в несчастье*. О чувствах Плеханова к Розалии Марковне можно судить по его письму из Англии 1894 года, полному той нежности, о которой знали лишь немногие близкие ему люди: «Ты, конечно, уже знаешь о смерти Александра III. Россия, разумеется, ничего не потеряла с его смертью, но... право жаль его жену, она, кажется, очень его любила и

* И после смерти Плеханова ее преданность не иссякла. Как раньше Р. М. Плеханова занималась медициной, чтобы помочь ему в работе, так затем оставила ее ради увековечения его памяти. По просьбе советского правительства в 1928 году она передала большой архив Плеханова и его библиотеку в Ленинград, где в течение десяти лет руководила работой по их сохранности, классификации и частичной публикации. За эти годы Р. М. Плеханова не раз вступала в борьбу с могущественными фигурами, устроили или в печати чернившими ее ушедшего друга.

теперь переживает самое тяжелое горе, какое только случается испытать человеку в жизни. Когда сам горячо любишь, то сочувствуешь потерян любящих людей, кто бы ни были эти люди»¹.

С середины восьмидесятых годов Плеханов болел туберкулезом, и часто его здоровье внушало очень серьезные опасения. В 1897 году один из таких приступов оказался не очередным обострением болезни, а самостоятельным тяжелым заболеванием — грудной жабой. Розалия Марковна всегда очень внимательно следила за здоровьем мужа и убеждала его заботиться о себе. В 1909 году ей удалось организовать санаторий в Сан-Ремо, в Италии, и, таким образом, Плеханов был избавлен от холодных швейцарских зим. Ее преданная забота несомненно надолго продлила его жизнь.

Несмотря на болезнь, Плеханов сохранял активность. Он продолжал соблюдать тот распорядок дня, который выработал для себя в течение жизни с тем, чтобы наиболее продуктивно использовать короткий срок, отпущенный человеку. Страстно поглощенный интеллектуальной жизнью, что показывает постоянно растущий круг его интересов, он распределял время по старому правилу своего отца: «Умрем, тогда отдохнем»². Он вставал рано и к восьми часам уже был за письменным столом. Работал до шести вечера, с перерывами только на обед, короткий отдых и быструю прогулку пешком. Часто Плеханов работал часа четыре или больше по вечерам, но, как правило, конец дня сохранялся для бесед с посетителями, политических совещаний и дискуссий.

Этот строгий распорядок нарушался крайне редко. Приходивших в рабочие часы не принимали. Он говорил домашним, что если явится сам Господь, надо попросить прийти его к шести. Он почти не замедлял темпа даже во время болезни. Для этого он придумал формулу вида работы, основанную на показаниях термометра. Если она была нормальной, Плеханов разрешал себе делать все, что хочется; если температура выше нормы, но ниже 38 градусов, он занимался изучением искусства и этнографии или писал статьи, не требующие особого напряжения; если температура поднималась выше 38 градусов, он читал современную литературу или перечитывал русскую и зарубежную классику. Плеханов любил природу и верил в необходимость держать себя в форме, а потому ежедневно предпринимал длительные прогулки. Но и в городе, и в деревне он постоянно носил с собой книгу, блокнот и карандаш. В университете скверике Женевы привыкли видеть, как он бродит по дорожкам, поглощенный книгой.

До 1895 года Плеханов не мог и думать о собственном кабинете. Однако, когда семейное положение поправилось, он получил просторную комнату, где смог разместить свою обширную библиотеку и заниматься работой^{*}. Там, в окружении портретов своих героев на стенах: Энгельса (интересно, что Маркса там не было), Белинского и Чернышевского, Гете и Вольтера, он работал, со свойственными ему скрупулезностью и напряжением. Плеханов не преодолел в себе привычку готовиться к каждой статье, словно «собирался писать диссертацию»³, так что подготовка обычно отнимала больше времени, чем само написание. Его ненасытная жадность к книгам отражена в переписке, немалая доля которой состоит из просьб прислать материалы на одном из пяти языков, на которых он умел читать. Если и не всегда, но бесспорно большую часть времени и интереса Плеханова занимали книги и занятия, а не люди и политика. «Для занимающегося человека — книга вещь неприкосновенная...» — сказал он однажды⁴, и позднее: «...отбирать у меня теперь книги равносильно УБИЙСТВУ»⁵.

Писал он столь же тщательно и требовательно. Его жена вспоминала: «Он, бывало, продиктует начало какой-нибудь статьи. Мне кажется это начало превосходным. Но он не удовлетворялся: „Нет, брось, бери другую страницу“. Следовало новое начало, а потом третье, четвертое. Я удивлялась тому, что мысль с каждым разом выходила отшифованнее, красивее. Эта требовательность к себе, эта тщательность в обработке своих статей не покидали его до конца жизни»⁶. При всей страсти Плеханова к совершенству, объем написанного им огромен. Кроме множества статей, посвященных актуальным событиям; полемических, с идеологическими и политическими противниками; еще большего числа произведений по теории науки, новым областям знаний, где вклад Плеханова очень весом, он редко отказывался написать необходимый материал для какой-нибудь социалистической партии или органа. В этом он руководствовался правилом, однажды изложенным Каутским: «Вы — марксист, а для марксиста, как для св. Павла, несть ни элинна, ни иудея. Вы отдаете все ваше время ис-

* Эта комната и ее первоначальная меблировка воссозданы в Доме Плеханова в Ленинграде. Здесь же находятся архив Плеханова и его библиотека, насчитывающая более 8000 томов и периодических изданий.

По решению Министерства культуры РСФСР от 13.10.1983 г. Женевский кабинет Плеханова и личные вещи были переданы в Липецк для организации Дома-музея Плеханова.— Прим. ред.

мецким рабочим, лайте несколько часов и русским рабочим»⁷. Однако, как и у всех тружеников научной гильдии, у него бывали моменты, когда его обязанности казались ему невыносимо тягостными. Он писал Аксельроду: «Но если бы ты знал, как я устал, если бы ты знал, как надоело мне вечное бесконечное писание. Я положительно осужден судьбою на вечную каторгу литературного труда»⁸.

Но при этом работы Плеханова принесли ему широкую известность. Вожди международного социализма были его друзьями, и сам он был видной фигурой во II Интернационале. Его избрание председателем на Втором съезде, а затем верховного органа — Совета Партии свидетельствует об авторитете и престиже Плеханова в РСДРП. Ленин, даже после их разрыва, считал Плеханова человеком «колossalного масштаба». Для передовых граждан России Плеханов стал живым памятником. Двадцать пятую годовщину его участия в демонстрации на Казанской площади отмечали русские в ряде городов Европы. Как было до него с Герценом и Лавровым, многие соотечественники, едущие за границу, считали обязательным нанести визит Плеханову, своими глазами увидеть пророка, из-под пера которого вышли священные скрижали русского марксизма.

Конечно, Плеханов не был равнодушен к этому почитанию, но не желал тратить время на тех, кто мало знал или не мог сообщить ему ничего интересного. Если человек, которого он не уважал, хвалился тем, что стал марксистом в двадцать — двадцать два года, он отмечал: «Значит, Вы начали регрессировать в юном возрасте, не так ли?»; если кто-либо осмеливался не соглашаться с его идеями, мог извительно заметить: «Я был революционером до того, как Ваш батюшка начал ухаживать за Вашей матушкой».

Быть может, именно те, кто испытал на себе остроту языка Плеханова, распространяли неприятные рассказы о его образе жизни. Не зная ничего о долгих годах бедности и не понимая обстоятельств, объясняющих то, что они видели, многие молодые революционеры были неприятно поражены, видя, что Плеханов живет как тамбовский помещик или буржуазный интеллигент, а не революционный вождь. Кроме комфортабельной квартиры в Женеве, на улице Кандоль, 6, которую Плехановы занимали более двадцати лет и где у них была горничная, они также имели зимний дом на Итальянской Ривьере*. Их дочери —

* По состоянию здоровья Г. В. Плеханов не мог оставаться на зиму в Швейцарии, и в 1909 году Р. М. Плехановой удалось осуществить давнюю мечту и открыть в Си-

Лидия и Евгения, образованные и воспитанные юные особы, учились в европейских школах и ничего не знали о богемной жизни молодых российских радикалов. И сам Плеханов был выколенным, подтянутым, аристократичным. Невозможно было представить себе Плеханова помогающим кому-то, как рассказывали о Ленине, везти по улице тачку с домашними пожитками с одной квартиры на другую⁹.

Из-за полного отсутствия богемности в Плеханове и строгого порядка в его доме многие молодые русские подозревали, что старый марксист совершенно отступил от революционной веры и приспособился к буржуазному миру. При всей неестественности такого предположения, в нем есть доля истины. Плеханов прожил за границей почти четыре десятилетия и, будучи восприимчив к окружающей обстановке, близко узнал европейскую жизнь и европейское общество. Он ценил его достижения в области политики и культуры, хотя и обличал свойственные ему лицемерие и филистерство. При всех серьезных недостатках этого общества, Плеханов признавал его превосходство перед Россией. Он относился к «буржуазной» жизни скорее двойственно и не был таким ее безоговорочным противником, как многие революционеры; и, в сущности, в многолетней перспективе желал бы для своей родины не более, чем достичь уровня жизни «буржуазного» Запада.

Если на некоторых посетителей Плеханов производил неблагоприятное впечатление, то другие уходили совершенно завороженные его обширными знаниями, блестящей речью и эстетическим чутьем. Часто отмечали, с каким сосредоточенным вниманием слушали его рабочие, перед которыми он выступал по-французски¹⁰. А Луначарский, будущий советский нарком просвещения, восторженно отзывался о воодушевляющем воздействии бесед Плеханова на тех, кто имел счастье знать его близко: «Я с восторгом вспоминаю наши длинные беседы и споры на философские и литературные темы, во время которых я часто забывал задачу — по мере сил сопротивляться собеседнику — и, как очарованный, заслушивался этой живописной речью, полной щитат, воспоминаний, метафор, словно изукрашенной какой-то многоцветной и многоценной инкрустацией. Память у Георгия Валентино-

Ремо, на берегу Средиземного моря, заминий санаторий для больных туберкулезом, среди которых находился и Плеханов. Виллу «Виктория», где располагался санаторий, арендовали на осенне-зимний сезон, летом он не функционировал. Обслуживали санаторий два врача: Р. М. Плеханова и Л. Г. Плеханова, старшая дочь Плехановых, врач-невропатолог. — Прим. ред.

вича была необъятной, находчивость — изумительной, и каждый разговор с ним всегда обогащал нас, в то же время давал увлекательное наслаждение»¹¹. Таким образом, одни считали его холодным, высокомерным и язвительным, а другим он казался любезным, эрудированным, веселым. Каждый из них видел одну сторону «гениального литератора», «слишком хорошо знавшего о своей гениальности», «безжалостного в полемике... высокомерного и капризного», потому что, как сказал один автор, Плеханов «считал себя в интеллектуальном отношении выше любой оппозиции»¹².

По истечении двадцати четырех лет пребывания в эмиграции Плеханов мог оглянуться назад с полным удовлетворением, чтобы увидеть то, чего достиг. Он полной мерой испытал страдания и разочарования, болезнь и бедность, но все это не было напрасным. Плеханов заложил основы русского марксизма и тем самым вызвал к жизни чрезвычайно динамичную и потенциально сильную революционную партию. На международном уровне он сыграл ведущую роль в том, что тогда называли победой над вызовом, брошенным ревизионизмом ортодоксальному марксизму. В русском социал-демократическом движении Плеханов стоял в авангарде силы, подавившей «ереси» «экономизма». Конечно, еще оставались серьезные проблемы. Вновь образованные партии социалистов-революционеров (1901) и либеральная (1903) [«Союз Освобождения» и «Союз земцев-конституционалистов» — ред.] стали вызовом марксистам, и этот вызов нужно было принять; но из трех существовавших тогда политических объединений социал-демократы казались самыми сильными, и Плеханов верил, что они сумеют сохранить свое положение. Конечно, его глубоко волновали раздоры в РСДРП после II съезда. Однако, при всей серьезности его критики в адрес Ленина и большевиков, он видел глубокие основания для достижения согласия и страстно верил в возможность примирения и воссоединения. Его оптимизм, основанный на вере в неизбежность прогресса, нелегко было поколебать: «Пусть будет, что будет — а будет все-таки на нашей улице праздник!»

Его уверенность в том, что все кончится хорошо, нельзя считать безосновательной. Год за годом, из своего изгнания на Западе, словно с вершины горы, Плеханов напряженно следил за нарастающим потоком событий в России, неутомимо ища подтверждений своим предсказаним. К началу двадцатого века стало казаться, что «неумолимое колесо времени» доказало основное положение его прогноза. Разве за прошедшие годы не проявилось ускорение экономического развития Рос-

ции и еще более глубокое проникновение капитализма в промышленность? Разве, по мере расширения денежной экономики и рыночных отношений, в стране не продолжалось расслоение общинного крестьянства? Разве не было доказано, что экономическое развитие России сопровождается возникновением классов буржуазии и пролетариата? Эта «европеизация» экономической и общественной жизни России, утверждал он, делает анахронизмом ту деспотическую политическую систему, которая была построена на совершенно другой общественно-экономической основе. Он твердо верил, что вслед за этим на свалку истории безусловно последует царизм и начнется европеизация российской политической жизни.

В самом начале века явственно назревал кризис российского самодержания. Все чаще и смелее и в больших масштабах бастовали, выходили на демонстрации и бунтовали массы студентов, рабочих и крестьян. Беспредентный размах этих волнений, появление подпольных политических организаций, способных умело их использовать и возбуждать новые, поставили перед режимом угрозу совершенно иного характера, чем в России девятнадцатого века. Реформы Александра II были направлены на то, чтобы положить конец беспорядкам и стабилизировать общественно-экономическую систему. По иронии судьбы, полвека спустя эти реформы подняли против правительства армию, несравненно более опасную для режима. Конечно, реформы Александра II были неизбежны. Но ни в шестидесятых годах, ни впоследствии не были произведены политические изменения, способные обеспечить мирное развитие государства. Российское самодержавие не сумело пойти на уступки, тем самым невольно сыграв на руку революционерам.

По освященной традиции Николай II ответил на народные волнения насилием и двуличием. Демонстрантов разгоняли нагайки казаков. Еще большее коварство режим проявил, когда попытался отвлечь разгневанное, полуграмотное население, тайно провоцируя еврейские погромы. Еще один ход был сделан с помощью секретных агентов правительства, которые вступили в тайную схватку с революционерами за доверие рабочих. В соответствии с политикой «полицейского социализма» они организовали союзы, с тем чтобы направить недовольство пролетариата в русло экономической борьбы и усилить в его среде националистические настроения. Однако результаты их деятельности отзывались катастрофическими последствиями. Неудовлетворенность рабочих невозможно было удержать в тех тесных рамках, кото-

рые ставили руководители жандармских союзов. Частично из искренней симпатии к рабочим, частично под их давлением, отец Гапон, глава одной из таких организаций, повел мирную процессию пролетариата с петицией к Зимнему Дворцу 9 января 1905 года. В то Кровавое воскресенье было расстреляно несколько сот демонстрантов, и началась самая бурная фаза Революции 1905 года. Правительственная стрельба, вместо того, чтобы запугать народ, подняла всю страну — не только рабочих, но крестьян и другие слои населения — на ожесточенную оппозиционную деятельность.

Еще одна волна, собиравшаяся в течение 1904 года, поднялась с другой стороны и совпала с событиями, вызванными Кровавым воскресеньем, усилив ее. Уже в течение ряда лет царское правительство вело на Дальнем Востоке безответственную и лживую политику, истощившую, наконец, терпение Японии, за несколько десятилетий до этого восстановившей империю и шедшей по пути возрождения. В феврале 1904 года японцы без объявления войны напали на русскую военно-морскую базу в Порт-Артуре, тем самым положив начало русско-японской войне. Оказалось, что российское правительство намеренно готовило «маленькую победоносную войну», способную привести к легкой победе и сопутствующему ей подъему патриотических чувств, с тем чтобы с их помощью заглушить нарастающий общественный протест. Если это было так, то режим совершил еще одну непростительную ошибку; но, даже если эти предположения неверны, безответственная внешняя политика царя, с учетом роста внутренних противоречий, говорит о вопиющей некомпетентности самодержавия. Более того, в ходе войны стали очевидными доказательства того, что реформы Александра II не смогли обеспечить не только внутренней стабильности, но и не достигли основной своей цели — усиления России на внешнеполитической арене.

С самого начала войны была непопулярна у части российского населения. Широкое недовольство превратилось в открытый протест, когда Россия стала нести одно унизительное поражение за другим. Соответственно, правительство потеряло доверие политически сознательного населения, возглавившего активную кампанию борьбы за политические реформы. Самые крупные события произошли во второй половине 1904 года, организованные либеральным «Союзом Освобождения», профессиональными организациями, члены которых пополнили их ряды, и земствами¹³. Николай II, будучи не в состоянии проводить последовательную политику (свидетельством чего послу-

жил январский расстрел на Дворцовой площади спустя несколько месяцев), колебался и назначил Министром внутренних дел князя П. Д. Святополк-Мирского^{*}, человека сравнительно либеральных убеждений. Мягкая позиция князя дала недовольным возможность выразить разочарование политикой правительства через организацию съездов и банкетов^{**}. И в 1905 году царизму противостоял широкий круг общественных сил — не только образованное население и студенты, рабочие и крестьяне, но и помещики, либерально настроенные деловые люди и национальные меньшинства, использовавшие возможность восстать против гнета российского государства.

Поскольку все эти силы, и в особенности организованные политические партии, объединились в стремлении свергнуть или существенно изменить старую политическую систему, явно существовала почва для сотрудничества. Тем не менее, широкое расхождение в интересах и идеологиях вносило элементы соперничества, а с выходом соперничества на передний план неизбежно уменьшались шансы на свержение царизма. На карту было поставлено само право определять будущее России, и потому велась жестокая борьба за влияние и власть¹⁴. То было время, когда первостепенное значение приобретала тактика. Каждая группа должна была вести себя таким образом, чтобы обеспечить и сосредоточить вокруг себя достаточно сил для борьбы с царским правительством и захватить наиболее благоприятные позиции в новой политической системе. Достичь такого баланса сил было нелегко.

Задача определения тактики для РСДРП была сложнее, чем для всех других партий. Марксисты имели полную историческую программу в виде того генерального плана общественного развития, который Плеханов разработал двумя десятилетиями ранее. Отчасти предугадав сложность задач своей партии, он не пожалел сил для разработки соответствующей тактики, рациональных средств их достижения. Борьба против царизма должна была стать ступенью к осуществлению впоследствии революции против того общественного строя, рожде-

* Вместо реакционера В. К. Плеве, убитого эсером Е. Э. Сазоновым.

** Так называемая «банкетная кампания» была организована либералами осенью 1904 года, в ходе которой создавались полумелальные политические союзы интеллигенции (союз учителей, союз адвокатов и т. д.). Целью либерального движения являлось требование введения всеобщего избирательного права и созыва законодательного собрания. Эти лозунги были выдвинуты во время общедемократического съезда в ноябре 1904 года.— Прим. ред.

нию которого способствовали социал-демократы. Накануне революции казалось, что обе фракции РСДРП относительно данного критического вопроса пришли к согласию. На фоне этого убедительного факта разногласия по организационным вопросам и даже определенные теоретические споры о природе партии виделись Плеханову второстепенными и незначительными. Сможет ли это единство по фундаментальным вопросам пережить удары и неожиданности практического революционного опыта? Будет ли ход революции соответствовать его представлениям или нет? В этом состояло для Плеханова значение революции 1905 года. То было самое решающее событие в его карьере, время испытаний для революционной теории, ставкой которой была его политическая жизнь.

К началу русско-японской войны Плеханов вместе с большинством первых редакторов «Искры» вновь обрел контроль над газетой. Его растущая неприязнь к Ленину в последующие месяцы была главным образом связана с «раскольнической» тактикой Ленина в столь благоприятное для революционеров время. Плеханов прекрасно сознавал, насколько возрастают возможности для революционной деятельности по мере того, как Япония одерживала над Россией одну победу за другой. Бывший воспитанник военного училища не только не оплакивал позор российского оружия, но приветствовал военное поражение как союзника революции. Еще в апреле 1904 года он заявил: «Если севастопольский погром в корень подорвал систему Николая I, то порт-артурский крах обещает до основания расшатать режим Николая II»¹⁵. Возможная победа близка, и силы прогресса должны ускорить объединение своих легионов, становиться сильнее и сильнее, не успокаиваясь ни на минуту до тех пор, пока на поверженном, ненавистном трупе самодержавия не воздвигнется торжествующая фигура свободы.

Позиция Плеханова по отношению к войне была интернационалистской, революционной, он стоял за поражение царизма в этой войне. Она ярко проявила в его поведении на Амстердамском конгрессе II Интернационала в августе 1904 года. На первом заседании, когда председательствующий призвал к братской солидарности пролетариев всех стран, которую символизировало присутствие на помосте делегатов от двух воюющих держав, Плеханов поднялся и под бурные аплодисменты демонстративно пожал руку японскому социалисту Сен Катаяме. Выступая на съезде, он обличал российское правительство, спровоцировавшее конфликт, и приветствовал его грядущую гибель¹⁶.

Международное социалистическое движение придавало большое значение развитию российского кризиса. Свержение царского самодержавия, общепризнанного оплота европейской реакции, содействовало бы общему успеху социализма. По этой причине более, чем по какому-либо иному вопросу, участники Конгресса продемонстрировали солидарность рабочего класса (хотя это и не принесло заметного успеха) с русскими революционерами в 1905 году¹⁷. Остро сознавая огромную ответственность, возложенную на российский пролетариат, Плеханов делал все возможное для восстановления единства в РСДРП. Его мучила совесть, что из-за внутренних разногласий партия не выполнит своих обязательств по отношению к международному социализму.

Теоретическая основа позиции Плеханова в русско-японской войне изложена в важной статье «Патриотизм и социализм», написанной им в 1905 году¹⁸. Пролетарий в буржуазном отечестве не может быть патриотом — в этом состояла суть его доводов. В современном капиталистическом обществе классовая борьба создает более крепкие узы между рабочими разных стран, чем между рабочими и их эксплуататорами одной национальности. Поэтому трудиться на истинное благо своей страны не значит бежать под ее знамена при первом звуке труб шовинизма. Национальные амбиции и национальная честь должны уступить место высшим соображениям, соображениям человечества в целом, лежащим в основе международного социалистического движения. Искренний социалист должен оценивать все международные отношения по принципу *salus revolutiae suprema lex* [благо революции — высший закон — лат.]. Он не может догматично выступать против всякой войны, а после начала военных действий его симпатии должны быть на стороне той воюющей державы, победа которой так или иначе будет способствовать росту перспектив социализма, независимо от того, нападающая это или обороняющаяся сторона. Плеханов не был слеп к преимуществам победы Японии для японской буржуазии, но свержение российского самодержавия, которому победа Японии может способствовать, он считал гораздо более существенной положительной ценностью для международного социалистического движения. Но Плеханов немедленно делает оговорку относительно этой предельно четкой теоретической позиции, чтобы примирить ее с социалистическим антимилитаризмом. Поскольку войны между цивилизованными народами в современной истории наносят существенный ущерб интересам рабочего класса, пролетариат, в его наиболее созн-

тельной части, является «самым решительным и надежным сторонником мира». Положения, которые Плеханов считал самоочевидными в 1904—1905 годах, впоследствии покрылись дымкой неопределенности, став предметом бурных дебатов в международном социализме в период дипломатического кризиса 1914 года.

Во время революции 1904—1906 годов Плеханов уделял первостепенное внимание вопросу о взаимоотношениях буржуазии и пролетариата, одному из главных в его стратегических планах. По его оценке, нарастающий переворот мог быть только буржуазной революцией, и, неизбежно, буржуазия должна была играть в ней основную роль; но пролетариату суждено было нанести решающие удары. Если каждый сыграет свою намеченную роль, самодержавие будет свергнуто, буржуазия станет правящей силой демократического строя, а пролетариат обретет права, которые позволят ему впоследствии подготовить свое экономическое освобождение. В качестве тактического руководства к достижению этих целей Плеханов взял знаменитый лозунг Маркса: «Рядом с буржуазией, пока она революционна в борьбе против абсолютизма, не переставая возбуждать в пролетариате сознание антагонизма его интересов интересам буржуазии».

За месяц так называемой «весны» Святополка-Мирского оживленная политическая деятельность эмцев и других элементов «общества», которых Плеханов относил к «буржуазии», давала ему мало оснований для недовольства. А после Кровавого Воскресенья, ударила в набат, призвавший к вооруженному восстанию, он не сомневался в том, что буржуазия откликнется на его звучный призыв: «Возьмите и бить»¹⁹. То было отражением его убежденности, что все оппозиционные группы, сохранив принципиальную и организационную независимость, должны объединить усилия, для того чтобы сделать шансы на успех максимальными. И, прежде всего, чтобы сокрушить здание царизма, буржуазия и пролетариат должны нанести удар одновременно.

Однако вскоре он стал находить недостатки в предполагаемом союзнике. К апрелю 1905 года Плеханов не слишком деликатно упрекал буржуазию и ее сторонников за пустословие вместо организации к действию. «Если когда-то стены иерихонские пали, по уверению Библии, от звука „ труб юбилейных”, то в наше прозаическое время чудес не бывает, и твердыня самодержавия едва ли падет вследствие многочисленных ораторских упражнений наших многочисленных любителей свободы»²⁰. В то же время, он винил их за в неумение нейтрализовать

и пресекать контрреволюционные настроения в определенных группах ремесленников и крестьян.

После того как Октябрьская всероссийская политическая стачка вынудила царя издать «Манифест 17 октября» с обещанием гражданских свобод и представительной законодательной Думы, критика Плехановым буржуазии и ее представителей стала более резкой. Как многие левые, он скептически относился к обещаниям царя и открыто предостерегал от антиреволюционных и антиреволюционных настроений в буржуазных кругах, которые могут помочь графу Витте расколоть революционную коалицию²¹. Фактически, консервативное крыло либерального движения откололось от сил нападения, образовав «Союз 17 октября» (октябристы), и с тех пор стало сотрудничать с правительством. Наблюдая за событиями 1905 года, Плеханов пришел к выводу, что даже леволиберальная партия кадетов, по его мнению представляющая передовые элементы буржуазии, почти истощила свой революционный потенциал. Кадеты преобладали в I Государственной, созванной в апреле 1906 года, думе и занимали настолько передовую и непримиримую позицию, что царское правительство издало декрет о ее распуске. В июле, в выборгском «Манифесте», их руководители призывали общество поддержать Думу путем пассивного сопротивления. Плеханов выступал с критикой «Манифеста», заявляя, что он не объясняет народу, за что и как он должен бороться, а призывает к мерам, которые никак не могут оказаться эффективными против правительства^{*}. Теперь Плеханов подверг критике кадетов за то, что они отступили от требования созыва Учредительного собрания и отклонили предложение социал-демократов об электоральных соглашениях. Плеханов писал, скорее с сожалением, нежели с гневом, что их следует называть «Партией Народной Полусвободы», чем Партией Народной Свободы²², когда пришел к выводу, что кадеты опасаются народовластия.

Для объяснения политического поведения буржуазии Плеханов использует две линии аргументации. В одном случае, он винит грубую

* Плеханов Г. В. Соч. Т. 4. С. 161—163, 186—187, 194. Плеханов указывал, что приостановление уплаты налогов не окажет значительного воздействия на правительство, поскольку от прямых налогов оно получало небольшой доход. А уклонение от службы в армии прогрессивно настроенной молодежи оставит это решающее оружие исключительно силам реакции, в случае, если самодержавие захочет применить армию против «внутреннего врага» — восставшего народа.

тактику Ленина, заставившую буржуазию качнуться вправо. Плеханов полагал, что, ограничиваясь одним лишь обличением буржуазии вместе того, чтобы сочетать его с поддержкой, большевики нанесли тяжелый удар освободительному движению. Но он выявляет и другую, достаточно существенную причину двойственного отношения буржуазии к революции. Это проявляется, считает Плеханов, в ее нежелании бороться против царского режима до конца, а отказ от требования созыва Учредительного собрания на основе всеобщего избирательного права вызван классовыми интересами, в ущерб благу страны. Ради интересов землевладельческих элементов в стране партия кадетов отказалась от созыва Учредительного собрания, опасаясь, что такое собрание может проголосовать за экспроприацию помещичьих земель без компенсации потерь²³. Однако, выдвигая эти доводы, Плеханов оказался в любопытном положении, ибо он бранил буржуазию за то, что она поступает так, как он предсказывал. Его высказанное ранее положение о том, что буржуазия окажется не способной к длительной революционной деятельности, оправдалось настолько полно, что это не доставляло ему особенного удовольствия.

Однако Плеханов никогда не списывал буржуазию окончательно со счетов. Напротив, он считал достойной поддержки любую ее инициативу в плане политической либерализации. Даже обвиняя кадетов в желании иметь вовсе не полновластную Думу и в том, что они боролись за нее столь суверенное учреждение, он призывал оказать либералам пролетарскую поддержку²⁴. Его позиция была логическим следствием непоколебимой верности марксистской теории об экономически обусловленной последовательности исторических стадий. В соответствии с ними, переворот в России мог стать только «буржуазной» революцией. Такая установка, заявляет он, лишь реализует указание Маркса о том, что пролетариат должен поддерживать буржуазию, пока она остается революционной в борьбе с самодержавием. Плеханов так последовательно придерживался этого основного положения и той тактики, которую оно предполагало, что впервые оказался в крайне правом крыле социал-демократической партии. Большевики называли его оппортунистом, иронически подчеркивая, каким уважением он пользовался в буржуазной прессе. И даже меньшевики отвергали такую тактику, считая ее самопораженчеством²⁵. Они были согласны с тем, что плехановская тактика делает пролетариат орудием буржуазии,— несмотря на все отриятия Плеханова. Меньшевики очень скептически относились к его уверениям, что социал-демократы могут

привести буржуазию в более агрессивное состояние, если будут способствовать обострению того, что он считал основным противоречием ее интересов с интересами старого режима. Действительно, как это убеждение сочеталось с его собственным пониманием консервативной направленности буржуазии, пронстекающей, по большей части, из ее классовых интересов? Но в одном из ключевых моментов, хотя не единственном, революционная схема основоположника русского марксизма безнадежно трещала.

После выхода «Манифеста 17 октября» явное стремление части буржуазии идти на соглашение с правительством вынудило Плеханова заявить, что крестьянство составляет «чрезвычайно сильный резерв русской революции», потенциальную замену буржуазии²⁶ в непрекращающейся атаке на самодержавие²⁷. Но эта идея, которая стала ядром тактики Ленина, для Плеханова была всего лишь искрой, из которой так и не разгорелось пламя. Ибо ленинское недоверие к буржуазии было сравнимо, если не равно, плехановскому недоверию к крестьянству. Если Ленин и большевики предпочитали не поддерживать, а исключительно обличать буржуазию, то Плеханов, безусловно, был более склонен обличать, нежели поддерживать крестьянство. Конечно, он приветствовал начало «Жакерии» как свидетельство того, что еще один крупный слой «верноподданных» царя соблазняется «бесплодными мечтами». Конечно, он одобрял всеобщий передел земли, считая, что успех крестьянского восстания против остатков феодализма будет способствовать самому стремительному развитию капиталистических отношений в деревне²⁸.

Но более важно его колossalное пренебрежение теми политическими группами, что стремились представлять интересы крестьян. В работах революционных лет, за исключением отдельных коллокций, почти нет упоминаний о партии социалистов-революционеров. Ранее Плеханов взял в привычку говорить об эзерах шутливо, как о «так называемой партии так называемых социалистов-революционеров». Вероятно, из пренебрежения к ее теоретической несостоятельности:

²⁶ Плеханов призывает привлечь крестьянство на сторону главной силы революции — пролетариата — с тем, чтобы усилить давление общества на самодержание ради закрепления уже достигнутых успехов. Речь идет не о замене союзника, а о расширении числа сторонников и возможных перегруппировках различных политических сил на каждом новом этапе борьбы за демократизацию социально-экономической жизни страны.— Прим. ред.

один из историков назвал движение социалистов-революционеров «не столько идеологией, сколько состоянием ума»²⁸. Плеханов не мог принимать эту группу всерьез. Возможно, что иррационализм, который он обнаружил в партии эсеров, казался ему продолжением той же отсталости и иррационализма, столь очевидных для него, в самом крестьянстве. Фракции трудовиков в I Думе, представлявших крестьянство, Плеханов счел нужным уделить половину работы «Письма о тактике и бес tactности». Но невозможно удержаться от впечатления, что он скорее стремился доказать его мелкобуржуазную природу, нежели найти пути и способы организации совместных действий²⁹. Та невероятная серьезность, с какой Плеханов рассуждает об отношениях пролетариата с буржуазией, составляет разительный контраст с его совершенно платоническими попытками создания пролетарско-крестьянской коалиции.

В сознании Плеханова интерес к крестьянским волнениям был окрашен недоверием, точно так же, как подобные смешанные чувства испытывали многие русские либералы в отношении пролетариата. Это недоверие проявляло себя разными путями. Поддержав крестьян, требовавших земельной реформы, Плеханов тем не менее ясно дал понять, что не будет никакой поддержки мелкому собственнику в его борьбе против крупных землевладений, если последние не являютсяrudimentами феодализма, а представляют собой прогрессивные формы хозяйствования³⁰. Эта оговорка выражала часто высказываемое им мнение о том, что мелкий крестьянин противостоит «естественному» и разумному развитию масштабного капитализма в стремлении сохранить собственную неустойчивую экономику. В знаменитой речи на Стокгольмском Объединительном съезде РСДРП в 1906 году Плеханов публично, как прежде в частных беседах, высказался против проекта национализации земли, выдвинутого Лениным. Но он также предостерегал против явной склонности крестьян к передаче конфискованных земель не в частное владение, а государству³¹. Эту тенденцию он прозвал «китайской» крестьянства, иррациональным желанием вернуться к тому первоначальному состоянию государственного контроля над всей землей, которое, по его мнению, составляло экономическую основу восточного деспотизма России.

И, наконец, что наиболее важно, Плеханов видел воплощение иррационализма крестьянства в отсутствии политической сознательности. В ряде волнующих пассажей его непрерывного *post mortem* революции он говорит о том, как русский народ веками подчинения был

воспитан в политической пассивности³². Крестьянство жаждало земли, но не имело ни малейшего представления о том, что такая экономическая реформа зависит от обретения соответствующей политической власти. Оно послушно участвовало в выборах в Думу в 1906 году, очевидно, считая этот орган чем-то вроде всесильного божества, которое сметет все препятствия и выполнит его желания, не осознавая, что Дума может стать чем-то важным только при решительной поддержке народа. Крестьяне, переодетые в форму царской армии, проявили верх недальновидности, когда испоганили собственное гнездо, подняв на штыки революцию, способную утолить их вековечное стремление к владению землей. В этих прискорбных недостатках крестьянства Плеханов усматривал страшный тормоз прогрессу всей страны в целом. Большевики пребывают в досадном заблуждении, заключает он, рассматривая крестьянина как «ПОЛИТИЧЕСКОГО ЕДИНОМЫШЛЕННИКА И НАДЕЖНОГО СОЮЗНИКА ПРОЛЕТАРИАТА»³³. Они могут манипулировать крестьянскими волнениями ради достижения собственных целей; но одной склонности к бунтам недостаточно для Плеханова, требовавшего рациональной деятельности от исторически активных масс.

Пророк пролетариата оказался перед неразрешимой дилеммой. Буржуазия отказывалась бороться с оружием в руках за политическую свободу. А крестьянство, психологически готовое сражаться до победы, оказалось ненадежным союзником вследствие, якобы, нерешительного характера его борьбы. Таким образом, пролетариат фактически оказался в изоляции. Возможно, Плеханов почувствовал это еще в декабре 1905 года, когда в частных беседах предостерегал против попытки организовать вооруженное восстание, вскоре начавшееся под руководством социал-демократов, лишь для того, чтобы быть потопленным в крови³⁴. Речь шла не только о сомнениях, смогут ли социал-демократы собрать достаточно сил для победы. Плеханов не мог приветствовать дальнейшее самостоятельное выступление рабочего класса, ибо все возможные альтернативы были совершенно неприемлемы. Он отвергал всякую мысль о том, что пролетариат способен уничтожить самодержавие без поддержки двух других слоев населения, а затем передать власть буржуазии, которая все это время сидела сложа руки³⁵. Еще менее приемлемым, на его взгляд, был бы захват власти пролетариатом, а затем попытка социалистического преобразования страны. Невозможно, чтобы пролетариат сохранил власть и перешел к социализму при отсутствии всех экономических и социаль-

ных предпосылок³⁶. Диллемму, поставленную этим рядом альтернатив, Плеханов так и не решил.

Правда, решение этой проблемы (но не ее значимость) частично утратило актуальность, поскольку ход революции замедлился, и стало ясно, что пролетариат в любом случае не обладает достаточной силой для свержения старого режима. Тот факт, что в ходе революции не были достигнуты возможные результаты, заставил Плеханова еще раз вернуться к рассмотрению вопроса о тактике восставших. В течение 1906 и 1907 годов он выступил с серией статей о недавних событиях, в которых четко проводилась мысль о недооценке революционными силами противника и вступившими с ним в бой без достаточной подготовки. Забыв, как после Кронавого Воскресенья он сам заранее отвергал любые доводы в пользу положения о том, что эра успешных вооруженных восстаний прошла, Плеханов теперь указывал, что современные правительства располагают гораздо большими силами для оказания сопротивления восставшим, чем во время Французской революции³⁷. Это обстоятельство обязывает революционеров к длительной и чрезвычайно тщательной подготовке, прежде чем властям может быть брошен вызов. В особенности, оно требует бесконечных проницательности и мудрости — качеств, которых, по его мнению, серьезно недоставало тактике, избранной оппозицией в 1905 году.

Обнажая выявленные ошибки и промахи, Плеханов не щадит и близких соратников. Самым горьким разочарованием для Плеханова стал раскол в РСДРП накануне новой революции. Весной 1905 года появились признаки углубления раскола. Фракции большевиков и меньшевиков провели отдельные съезды, а в середине 1905 года Плеханов ответил на это, достойное порицания развитие событий, уходом с поста редактора «Искры» и председателя Совета Партии³⁸. Этим выразительным жестом он надеялся привести фракции в чувство и заставить их прислушаться к своему призыву о необходимости единства. Однако этот шаг еще больше способствовал расколу в партии. При-

³⁶ Плеханов Г. В. Соч. Т. 13. С. 226. Покинув редакцию «Искры», Плеханов начал самостоятельное издание, о котором задумывался ранее, — публикаций статей на разные темы в виде серии, подобно «Дневнику писателя» Ф. М. Достоевского. Первая из них, под заглавием «Дневник социал-демократа», появилась весной 1905 года. Его издание на протяжении 1905 года, а затем возобновление в 1909 году свидетельствовало о степени изоляции Плеханова в наиболее критические моменты истории страны.

мерно год спустя, под давлением ряда членов, в течение 1905 года пополнивших организации обеих фракций на местах, в Стокгольме собрался IV Объединительный съезд партии. Но несмотря на усилия Плеханова, ни до, ни в ходе, ни после IV съезда РСДРП не воссоединилась по-настоящему. Страстная приверженность Плеханова единству выглядит чрезвычайно особенно странной ввиду того, что и он сам подчеркивал огромные разногласия между фракциями большевиков и меньшевиков. Пожалуй, они были не менее существенны, чем прежние разногласия между ревизионистами и ортодоксами, которые побудили его призвать к изгнанию первых из рядов социалистических партий Запада. В 1906 году Плеханов, подобно героям сказки «Алиса в Стране Чудес», продолжал призывать к единству, одновременно предлагая заменить названия «меньшевики» и «большевики» на «марксисты» и «бланкисты», что, по его мнению, наиболее верно отражает глубину реальных разногласий между этими двумя группами³⁸.

Обвинения Плеханова в адрес большевиков в 1905—1906 годах (он их повторит почти слово в слово в 1917 году) напоминают его двадцатилетней давности реестр народовольцам. Он критикует большевиков за неспособность мыслитьialectически, понять, какие цели исторически достижимы, выработать тактику, отвечающую реальным условиям, и правильно сочетать средства и цели. Отвергая объективные критерии законосообразности действий и стремясь достичь недостижимых целей волшебными средствами, они заслуживают имени «алхимиков революции»³⁹. Используя несвоевременные и неуместные тактику и лозунги, большевики сеют тревогу в рядах буржуазии и неясность в рядах пролетариата. Он, несомненно, имел в виду большевиков, хотя мог также думать и о меньшевиках, шедших за Троцким, когда выступил со следующим замечательным наблюдением: «...если бы Маркс и Энгельс выступили инкогнито на одном из тех собраний, на которых блещут своим революционным красноречием наши „большевики“... то их освистали бы за их „умеренность“ и объявили бы „кадетообразными марксистами“, а,— под горячую руку,— и просто „кадетами“»⁴⁰. Он имел основания опасаться, что пролетарская сознательность, воспитанию которой он посвятил всю жизнь, выходит за пределы поставленной цели и принимает искаженные формы, тем самым парализуя буржуазию и создавая устрашающую возможность преждевременного захвата власти пролетариатом.

Озабоченность большевиков технической подготовкой вооруженного восстания в сочетании с их явным невниманием к развитию само-

деятельности и сознательности рабочих через профсоюзы, кооперативы и избирательную деятельность, казались Плеханову вопиющим предательством основных принципов марксизма, и единственной тактики, которая может принести победу революционному движению и пролетариату. «Трудность состоит для нас не в том, чтобы сознать противоположность интересов буржуазии и пролетариата. В наших рядах сознание этой противоположности приобрело уже, можно сказать, прочность предрассудка»⁴¹. Говоря так, Плеханов отождествлял себя с Марксом и Энгельсом, ибо его большевики окрестили его «кадетообразным марксистом». Казавшееся ему невероятным поведение большевиков он объяснял преобладанием в их среде, и в партии вообще, интеллигентии, что и приводило их к такому фантастическому и одностороннему подходу; положение может быть исправлено, только если в социал-демократию придут массы рабочих, превратив ее в массовую партию.

На IV Стокгольмском съезде Плеханов впервые открыто присоединился к меньшевикам. Однако, и до и после съезда он сохранял высокую степень независимости и нередко делал выговоры членам фракции, к которой номинально принадлежал. Плеханову пришлось сразиться с той значительной частью меньшевиков, которая, под влиянием революционных событий и призывов Троцкого, уже готова была вырваться за пределы революционной стратегии, разработанной в начале его марксистского пути, и которой он все еще твердо придерживался. В 1905 году впервые он адресовал меньшевикам критику, что обратит против умеренных социалистических групп в целом в 1917 году: они видоизменяют свою тактику, боясь налечь на себя ярлык оппортунистов⁴². Другими словами, под давлением большевиков они склоняются к более радикальным позициям, чем сами считают правильным. К тому же Плеханов находил у некоторых меньшевиков недостаток, от которого сам был далеко не свободен: чрезмерный схематизм в прогнозировании хода революции и в тактике, необходимой для достижения различных целей и будущих возможностей. Во время избирательной кампании во II Государственную думу Плеханов открыто выступил против партийной предвыборной платформы, посчитав ее «неудачно написанной» и, что еще важнее, — «плохо обдуманной». Его поведение вызвало не только осуждение со стороны большевиков, но и ледяное молчание меньшевиков.

Так же, как и в годы I Русской революции, надежды Плеханова на завоевание политической свободы базировались, главным образом, на

борьбе пролетариата; поэтому в своем стремлении перестроить дрогнувшие революционные легионы и подготовить новое наступление он вновь, как к основе основ, обратился к пролетариату. Но он слишком хорошо понимал, что если его авангард стал социал-демократическим сознательно, то большая часть пролетариата по-прежнему равнодушна к волнующим событиям окружающей жизни. Что еще хуже, значительные массы пролетариев настолько плохо ориентируются в ней, что вступают в экстремистские, реакционные черные сотни или попадают под влияние бланкистов — сторонников *coup de main* [путч, переворот — фр.]. Он думал, что эти неприятные обстоятельства исчезнут под влиянием мудрой тактики социал-демократов. Первостепенная задача марксистской партии, как и всегда, — развивать пролетарскую сознательность*, способствовать превращению пролетариата из функционирующей теоретически в практически действующую категорию, развитию его потенциальных возможностей и осознанной реальность. Для достижения этой цели Плеханов прежде всего призывал всеми возможными способами содействовать развитию самодеятельности рабочих. Он уделял особенно большое внимание профсоюзам и с самого начала возражал против бойкота выборов в I Думу (на котором застанивали большевики и многие меньшевики). Плеханов выступал за участие в кооперативах и не раз высказывался за созыв рабочего съезда, любимого детища своего друга — Аксельродса. В союзах, кооперативах или предвыборных кампаниях люди учатся на деле, исследуют социальную среду и с помощью социал-демократов осознают свои интересы и то, как лучше их удовлетворять. Рабочие затем займут свои места в рядах социал-демократии, превратив ее в массовую партию. Они очистят партию от химерических элементов, внесенных в ее идеологию интеллигентией, и откажутся терпеть раздробленность. В качестве единой массовой организации РСДРП будет представлять реальную опасность для самодержавия, действуя не только от имени пролетариата и своего собственного, но и стимулируя деятельность других групп и, прежде всего, буржуазии.

* Следует иметь в виду, что Плеханов различал понятия «искаженного» пролетарского сознания, при котором антагонизм в отношении буржуазии принал «твёрдость предрассудка», и «истинной» пролетарской сознательностью, признающей наличие антагонизма интересов буржуазии и пролетариата, но, вместе с тем, и необходимость эры капитализма как этапа, предшествующего эпохе построения социализма.

Все эти рекомендации и прогнозы касались тонкостей революционного движения и не предполагали изменений в плехановской концепции будущего России. Можно признать, что в его предложениях, касающихся более полной подготовки к новым революционным выступлениям, была определенная мудрость. Но из чего должна была состоять эта подготовка? С одной стороны, отвечает Плеханов, — в социал-демократической тактике, нацеленной на пробуждение более сильной оппозиции буржуазии старому порядку. В этом случае пролетариат не будет одинок в своей борьбе против самодержавия. Нападая вместе, буржуазия и пролетариат завершат дело первой революции в России. С другой стороны, социал-демократы должны более действенно воспитывать классовую сознательность рабочих с тем, чтобы они «шли врозь» в революционном конфликте. В целом, тактика для социал-демократов состоит, как и прежде, в следующем: бок о бок с буржуазией в борьбе против самодержавия, не переставая внушать пролетариату понимание антагонизма его интересов и интересов буржуазии. И именно в этой формулировке таялось главное противоречие прогноза Плеханова, которое ярко высветили события 1905 года.

С самого начала Плеханов стремился уберечь российский пролетариат от роли слепого орудия буржуазии в борьбе против самодержавия. Напротив, он должен сражаться под руководством социал-демократии как независимая сила, обладающая классовым сознанием. Плеханов никогда по-настоящему не принимал в расчет возможности того, что буржуазия может не пожелать участвовать в революционных действиях с такой группой, которая открыто признается в намерении затем разрушить буржуазное общество. Снова и снова Плеханов настаивал на том, что социалисты не должны скрывать свои конечные цели или временно отступать от социалистической пропаганды, чтобы объединиться с «обществом» для занесения политической свободы⁴³.

Противоположная позиция означала бы затмение классового сознания пролетариата, а Плеханов упорно утверждал, что именно его рост является предпосылкой для завоевания политической свободы. Только через социалистическую пропаганду, возбуждая надежды на экономическое освобождение, в конечном счете, можно убедить массы рабочих взяться за оружие ради достижения политической свободы. Но этот довод менее чем убедителен, ибо, по его собственной оценке, не социалистическая пропаганда вовлекла рабочих Западной Европы в борьбу против абсолютизма. Что положение в России было потенциально таким же, можно судить по тому глубокому нежеланию Плеха-

нова признать руководство либералов движением пролетариата. В 1905 году, как он сам отмечал, буржуазия была недовольна влиянием социал-демократов среди рабочих, что, соответственно, ослабило ее собственный революционный пыл.

Однако он никогда открыто не признавал, что классовое сознание пролетариата и революционная активность буржуазии могут быть связаны в обратной пропорции. На Западе революции были «буржуазными» именно потому и только до тех пор, пока буржуазия и ее представители возглавляли оппозиционные движения без соперников, ибо массы и, в особенности, пролетариат, еще не достигли той степени сознательности, предшествующей их формированию как самостоятельной политической силы. Революция 1905 года ясно показала невозможность сочетания буржуазии с пролетариатом, обладающим классовым сознанием, в «буржуазной» революции западноевропейского типа. Она продемонстрировала, что пролетариат, осознающий себя как класс, быстро разрушает любые возможные революционные настроения буржуазии. Она поставила самые важные вопросы: Как может быть проведена «буржуазная» революция без буржуазии? Как можно подвигнуть пролетариат на уничтожение самодержавия с тем, чтобы впоследствии передать власть классу, который он научился опасаться и ненавидеть?

На эти вопросы Троцкий и Ленин давали разные ответы. По мысли Троцкого, логика ситуации в России требует перескочить через длительный период буржуазно-демократического правления. Ни пассивность, ни контрреволюционные настроения буржуазии не должны удерживать пролетариат от деятельности по свержению самодержавия. И как только рабочие низложат царский режим, то непосредственно обратят оружие против буржуазии для того, чтобы как можно скорее развернуть социалистическое строительство. Ленин вышел за пределы схемы Плеханова, но еще не решался заходить так далеко, как Троцкий. Его пока сдерживали соображения доктрины, и поэтому он не мог предложить непосредственного перехода к социализму. Но Ленин решительно отвергал возможность завершения первой революции введением буржуазного правления, стремясь к установлению диктатуры пролетариата и крестьянства. Но он так и не представил ясного изложения того, что именно за этим должно было последовать; однако будучи сформулированным, оно сделало бы очевидной непоследовательность его позиции⁴⁴.

Плеханова не трогали эти попытки найти выход из задачи, поставленной событиями 1905 года. Он даже не признавал самого существования этой дилеммы, как и новой ситуации, теоретически возможной схемы, разработанной им несколько десятилетий назад. Как ни удивительно, он, всегда утверждавший господство диалектического мышления, необходимость принимать во внимание условия времени и места, оказался не в состоянии выжить и, тем более, предложить решение своеобразных трудностей, характерных для ситуации в России.

Он упорно отказывался признать невозможность выработать тактику, которая, повышая сознательность пролетариата, одновременно стимулирует борьбу буржуазии против старого порядка. Не желая расстаться с основными положениями собственной системы, он попаременно подчеркивал значимость каждого из этих двух несовместимых принципов. Если Плеханову и удавалось примирить их на некоторое время, то исключительно путем почти неощутимого сдвига в своем понимании того, что представляет собой классовое сознание пролетариата. Если, как он заявлял, антагонизм пролетариата по отношению к буржуазии уже достиг «твердости предрассудка», дальнейшее воспитание в этом плане явно не требуется. Но плехановская концепция классового самосознания также предполагала понимание пределов деятельности, определяемых стадией исторического развития страны на данный момент. Социал-демократы обязаны обеспечить понимание пролетариатом того, что уровень экономического развития России заставляет ее ограничиться «буржуазной» революцией. Другими словами, они призваны сдерживать те самые революционные наклонности пролетариата, которые пробудили сами. Это соображение и определило резкую критику со стороны Плеханова ультрапреволюционных устремлений как большевиков, так и меньшевиков, и объясняет его готовность поддерживать все передовые инициативы либералов, какими бы скромными они ни были. Он, посвятивший всю жизнь работе по превращению российского пролетариата в самостоятельную политическую силу, вынужден был теперь рекомендовать сдерживание самостоятельных действий пролетариата с тем, чтобы не напугать буржуазию и не оставить пролетариат в одиночестве. Однако половинчатость буржуазии, особенно после уроков революции 1905 года, исключила какие-либо возможности возникновения революционных инициатив в этой части общества. Приспособливать тактику пролетариата к тактике буржуазии значило отречься от революции. Фактически, Плеханов говорил «А», страстно отрицая неумоли-

мую необходимость сказать «Б». В таком затруднительном положении он оказался, когда внутренние противоречия его попытки установить органическую связь между буржуазной и социалистической революцией выявились до предела.

Снова и снова Плеханов выдвигал избитые доводы, показывая, в чем и до какой степени уклонились от канонов марксизма его соперники. Однако он слишком хорошо понимал, что фундамент его собственной позиции слабеет. В отчаянии он попытался использовать престиж вождя международного социализма. Некоторым из них он задал ряд вопросов относительно характера I русской революции и тактики социал-демократов в этих условиях. Он надеялся на поддержку своего слабеющего влияния, а получил один из самых сокрушительных ударов за всю свою карьеру. Для него в высшей степени неприятной неожиданностью стало, что ответ Карла Каутского, человека, которого он уважал более других в международном социалистическом движении, в корне отличался от плехановской позиции. Размеры катастрофы можно себе представить, если знать, что Ленин считал уместным перевести ответ Каутского на русский язык и напечатать его, снабдив собственным предисловием. Он почти не преувеличивал, характеризуя замечания Каутского как «самое блестящее подтверждение тактики... большевиков»⁴⁵.

Суть брошюры Каутского «Движущие силы и перспективы русской революции» состояла в отрицании того, что Французская революция 1789 года может служить моделью для России, что русская революция каким-то образом может носить буржуазный характер. Слабость русской буржуазии и возникновение самостоятельной пролетарской партии говорили в пользу этого. Каутский также подчеркивал внутреннюю неспособность либерального правительства осуществить решение самой актуальной проблемы страны — аграрной — тем единственным способом, которым она и может быть решена — радикально. Только безвозмездная конфискация помещичьих земель и мощная финансовая государственная поддержка крестьянству за счет церковных, казенных земель и сокращение расходов на армию могут поставить российское сельское хозяйство на рациональную основу. Только путем создания пролетарско-крестьянской коалиции, утверждал Каутский, Россия может обрести политическую свободу и одновременно решить аграрный вопрос. Как и Ленин, Каутский исключал возможность подлинной буржуазной революции, но при этом не считал, что социализм в России близок: «Мы поступим правильнее всего в отношении русской

революции и задач, которые она нам предъявляет, если будем смотреть на нее не как на революцию буржуазную в обычном смысле этого слова, а также не как на социалистическую, а как на совершенно своеобразный процесс, совершающийся на границе буржуазного и социалистического общества, способствующий ликвидации первого, подготовляющий условия для образования второго и, во всяком случае, дающий могучий толчок всему прогрессивному развитию стран капиталистической цивилизации»⁴⁵.

Плеханов не мог получить более сокрушительного удара. Похоже было, что некоторые замечания Каутского направлены непосредственно на автора вопросов, которому, видимо, приходилось объяснять очевидное: «Мы должны признать, — говорил Каутский, — что оказались перед лицом совершенно новых ситуаций и проблем, для которых не подходит ни один старый образец». Более того, считая вероятным, что победа достанется социал-демократической партии, он предупреждал: «Нельзя успешно бороться, отказываясь наперед от победы». Другими словами, пролетариат должен сражаться, и совершенно бесмысленно сражаться, если вожди не готовы для власти. Вступить в бой, только если это сделает буржуазия, и безоговорочно отречься от власти — равносильно политическому банкротству.

Явно растроенный тем, как рассматривал ситуацию Каутский, Плеханов ответил не более изобретательно, чем на события, послужившие для этого поводом. Используя хитроумные рассуждения, он попытался доказать, что фактически Каутский согласен с ним^{*} и что разногласия относятся исключительно к области семантики⁴⁷. Таким же образом он отразил критику Розы Люксембург в свой адрес; и эти критические замечания никак не повлияли ни на сами идеи, ни на их содержание. Ошибается она, а не он, настаивал Плеханов, отвергая, как устаревшую, тактику, выработанную Маркsem и Энгельсом в 1847—1848 годах коалиции пролетариата и буржуазии в борьбе с абсолютизмом⁴⁸.

В 1905 году революционная вера, которой Плеханов отдал всю жизнь, подверглась испытанию и не выдержала его. Однажды, в чернопередельский период жизни Плеханова, его идеи также оторвались от действительности и потеряли свою перспективность как ору-

* В Письме пятом «Заметок публициста» Плеханов пишет о том, «что наперед предвидел ОБЩИЙ СМЫСЛ тех ответов, которые она [постановка вопросов — ред.] вызовет» (Плеханов Г. В. Соч. Т. 15. С. 296). — Прим. ред.

дис ее преобразования. На ту ситуацию кризиса революционного народничества молодой Плеханов ответил творчески. Создавая русский марксизм, он открыл новую и, как оказалось, плодотворную область деятельности для революционного движения. В эпоху революции 1905 года русский ортодоксальный марксизм вступил в период кризиса, который, в конечном счете, оказался для него роковым. На эту проверку своей второй политической веры Плеханов не смог отреагировать творчески. Пятидесятилетний революционер уже не обладал восприимчивостью юноши. Он и его революционная система были теперь нераздельны, а связь Плеханова с ясю — абсолютна. Этую схему не могли поколебать ни события, которые явно опровергали основные ее положения, ни критика, даже со стороны тех, чье мнение он ценил весьма высоко. Плеханов стал догматиком, человеком настолько освещенным соответствием доктрины истинной природе окружавшего его мира, что отреагировать на его изменение он был не в состоянии.

Обратиться ему было некуда. Если революция не может быть проведена согласно задуманному им плану и с намеченными результатами, то почему же отречься от революции? Но Плеханов не мог отказаться от дела всей своей жизни, даже при том, что тактика, которую он рекомендовал, оказалась теперь несовместимой с революцией. Его ортодоксальный «экономический детерминизм» не позволял ему вступить на путь «революционного авантюризма», который указывали Троцкий и Ленин. Все еще уверенный в том, что его предположения соответствуют историческому процессу, Плеханов полагал, что личности, группы или классы, осмелившиеся нарушить эти железные законы, скоро поймут свое заблуждение. Непоколебимые установки доктрины также не позволяли Плеханову искать жизненно важной коалиции с крестьянством и его представителями. Как можно ожидать, что более рациональное общество возникнет от союза с численно превосходящим союзником, связанным традициями, поддерживающим иррациональные и отсталые формы общественного устройства и не обладающим политическим сознанием? Плеханов не мог отречься от одного из основных элементов своей системы. Подобно Лютеру — на этом он стоял и должен был стоять, ибо другого дано не было.

Считается, что неспособность Плеханова правильно оценить соответствующую обстановку была результатом длительного пребывания в изгнании, что не позволяло понять ситуацию в России⁴⁹. Так это или нет, однако следует отметить, что он не вернулся в Россию в 1905 году. Троцкий был единственным сколько-нибудь значительным россий-

ским социал-демократом, вернувшимся из изгнания в страну в начале революции, и его неутомимая, блистательная работа значительно упрочила его авторитет. Все партийные лидеры, кроме Плеханова, рано или поздно возвратились в Россию — большинство после «Манифеста 17 Октября», гарантировавшего гражданские и политические свободы, и до того момента, когда царизму удалось подавить революцию.

Плеханов с волнением ожидал скорого возвращения на родину в 1905 году. В декабре его жена радостно писала Аксельроду, уже уехавшему в Финляндию, о грядущей встрече в России. «Нас точно бьет лихорадка, и мы не дождемся этого дня, когда, наконец, двинемся с места»⁵⁰. Тем временем Аксельрод писал, что вскоре наступит минута, «когда Ж[оржу] придется выступить на арене избирательной и парламентской борьбы»⁵¹. Открывались волнующие новые перспективы, но Плеханов вновь тяжело заболел. Товарищам в России, с нетерпением ожидающим его возвращения, он объяснил, что его болезнь — хронический фарингит — сильно обострилась в ту осень: «...некоторые врачи советуют мне сделать операцию, другие посыпают в Алжир. Поездку в Россию все считают безумием... Я слу, применения в течение короткого времени некоторые пальпации, которые позволят мне совершил путешествие»⁵². Когда Розалия Марковна сочла, что здоровье ее мужа достаточно поправилось, чтобы можно было отправиться в поездку, из России пришло известие о том, что Плеханову не следует приезжать, иначе он будет немедленно арестован^{*}.

Плеханову было суждено провести еще двенадцать лет вдали от родины. Его болезнь, как говорил Аксельрод, была «непростительной пакостью». Она вынудила Плеханова остаться в стороне от событий, которого он ждал более половины своей жизни. В унынии он говорил жене: «Я чувствую себя так, словно бежал с поля битвы»⁵³. Его самобичевание поддерживалось клеветой других изгнанников, которые не могли понять, как он допустил, чтобы что-то помешало его возвращению. В 1917 году он будет готов — вполне сознательно, скорее умереть, чем вновь наблюдать революцию издалека.

Приверженность Плеханова доктринерству не могла не отдалить его от большинства социал-демократов, как большевиков, так и меньшевиков. Его уход из «Искры» и сложение обязанностей председателя

* По свидетельству дочери Плеханова — Е. Г. Бато-Плехановой, Аксельрод все еще убеждал Плеханова прискать в Россию, хотя бы ненадолго, в последних месяцах 1906 года (Переписка Г. В. Плеханова и П. Б. Аксельрода. Т. 2. С. 225).

Совета Партии, задуманные им как средство давления на обе фракции с целью их объединения, скорее продемонстрировали степень его отчуждения. К концу 1905 года обе группировки просили его сотрудничать в легальных газетах, которые они начали издавать в России. Он отказал и тем, и другим, поскольку по-прежнему был недоволен сохранением фракционности в партии, а также в связи с принципиальными разногласиями относительно тактики (меньшевистская газета «Начало» придерживалась линии Троцкого)⁵⁴. В 1905—1906 годах большая часть его политических работ печаталась не в главных органах социал-демократии, а в более мелких газетах, в его собственном «Дневнике социал-демократа», под эгидой «беззаглавцев», т. е. внефракционных социал-демократов, или газете левых демократов «Товарищ».

Обе фракции критиковали поддержку Плехановым союза с либералами и прежние его возражения против бойкота Думы. Когда он печально выразил сожаление по поводу решения о вооруженном восстании, потерпевшем сокрушительное поражение, отчуждение еще более усилилось. Когда Плеханов, в нарушение партийной дисциплины, публично высказался против предвыборной программы партии, все социал-демократы были возмущены. В ответ на резкую критику большевиков Плеханов был вынужден обратиться со статьей «Слово принадлежит меньшевикам» — страстным протестом против их нежелания выступить в его защиту⁵⁵. И, напротив, Плеханов удостоился щедрых похвал Милюкова — лидера партии кадетов. Он публично приветствовал их, но, наверное, был несколько смущен некоторыми заявлениями, как, например: «Если бы все „товариши“ Г. В. Плеханова понимали то, что понимает самый выдающийся из их вождей, и если бы они так же мало, как он, смущались похвалами „либеральной буржуазии“... — Боже мой, как это упростило бы выяснение нашей текущей политической задачи и как сильно подвинуло бы ее разрешение!»⁵⁶.

Превозносимый друзьями — врагами и презираемый или молча осуждаемый теми, кого он называл товарищами, Плеханов оказался в плачевном положении. Его по-прежнему уважали за старые заслуги, но, все более и более, рассматривали как некий исторический памятник. И сам Плеханов болезненно сознавал, что идет не в ногу со всеми. Хотя он стоял на своем, утверждая, что прав, и считая, что время это докажет, однако в статьях он все чаще признается, что читатели, вероятно, не согласятся с ним. Наверное, человеку, который всегда утверждал, что только массовые движения творят историю, тяжело было признать: «Положение политически однокого человека тяжело. Но

оно тяжело лишь тому, для кого оно является новым. Мне же не при-
выкать стать; я уже научился выносить его»⁵⁷. Его жену очень утешило
в начале 1907 года письмо от Аксельрода, показавшее, что ее герой не
«одинок» и что Аксельрода тоже, «очевидно, плохо понимают моло-
дые товарищи»⁵⁸. Сам Плеханов начал с чувством говорить об ибс-
новском докторе Стокмане — символе истины и справедливости,—
которого отвергли те, чьим интересам он бескорыстно отдавал всю
жизнь. За десять лет до того трагического события, когда в последние
месяцы его жизни преданные революции красногвардейцы потребо-
жат его, Плеханов считал необходимым заявить, что он не «враг наро-
да»⁵⁹.